

К вопросу о допустимости включения отдельных условий в соглашение об оказании юридической помощи

Конфиденциальные отношения между адвокатом и доверителем обусловлены не только тем, что доверитель сообщает адвокату сведения, составляющие адвокатскую тайну, но и их доверительным характером, в силу чего обе стороны предполагают, что другая сторона действует разумно и добросовестно.



А. В. Никифоров,
ответственный
секретарь, член
Квалификационной
комиссии АПМО

Доверитель в договоре с адвокатом является слабой стороной. Он не владеет юридическими знаниями, не всегда может в полной мере контролировать качество оказываемой юридической помощи. Ему остается предполагать, что цель действий адвоката при исполнении соглашения состоит именно в оказании квалифицированной юридической помощи в объеме, предусмотренном соглашением, за что адвокат получает определенное вознаграждение.

Условием сохранения доверия к адвокату является «прозрачность» его действий для доверителя. Это не только своевременное информирование о ходе исполнения поручения, обсуждение позиции

защиты, разъяснение значимости тех или иных действий и согласования их с доверителем. Одним из постулатов дисциплинарной практики большинства адвокатских палат субъектов РФ стал тезис о том, что надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только исполнение поручения, но и надлежащее оформление договорных отношений с доверителем.

Представляется, что срок действия закона об адвокатской деятельности позволяет не останавливаться подробно на том, что если юридическая помощь оказывается не по назначению судебно-следственных органов, то она должна оказываться на основании письменного соглашения между адвокатом и доверителем. Более актуальным является вопрос о том, какие условия такое соглашение не должно содержать.



Прежде всего, в силу п. 2 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат не вправе давать лицу, обратившемуся за оказанием юридической помощи, или доверителю обещания положительного результата выполнения поручения.

Квалификационная комиссия установила наличие нарушений со стороны адвоката, включившего в соглашение условие: «Добиться переквалификации деяния В. на ст. 30 ч. 3, ст. 228 ч. 1 и ст. 228 ч. 2 УК РФ», а в последующем дополнительном соглашении условие: «Добиться привлечения В. не более как по одному эпизоду к уголовной ответственности по ст. 228.1 ч. 3, ст. 30 ч. 3 УК РФ».

По другому дисциплинарному производству предметом соглашения являлась «защита интересов К-вой» и при этом указывается: «...результат — наказание, не связанное с лишением свободы».

В обеих ситуациях комиссия посчитала, что, исходя из текста договора, такие условия могут рассматриваться исключительно как обещание положительного результата исполнения адвокатом поручения. Во втором случае адвокат пояснил, что данное условие было включено в договор по требованию доверителя. Комиссия указала, что адвокату необходимо было учитывать, что такая просьба противоречит п. 1 ст. 10 КПЭА, согласно которой никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные на несоблюдение закона или нарушение правил, предусмотренных КПЭА, не могут быть исполнены адвокатом.

В этой связи нельзя не согласиться с Г. М. Резником, по мнению которого «...в лексиконе адвоката должен отсутствовать термин “гарантия”». Клиент обращается к адвокату и ждет, что адвокат ему скажет «все в шоколаде». Слово «гарантия», которое произносит адвокат,

изобличает в нём мошенника, потому как решение по делу принимает не адвокат».

Обещание положительного результата не всегда может быть явным. В судебной практике сложилось мнение о том, что соглашение об оказании юридической помощи представляет собой договор возмездного оказания услуг. Включение в текст договора о возмездном оказании правовых услуг условия о выплате вознаграждения в зависимости от самого факта принятия положительного для истца решения суда расходится с основными началами гражданского законодательства, допускающими свободу сторон в определении любых условий договора, если они не противоречат законодательству (п. 2 ст. 1 ГК РФ), поскольку в данном случае это означает введение иного, не предусмотренного законом, предмета договора. Кроме того, в этом случае не учитывается, что по смыслу п. 1 ст. 423 ГК РФ плата по договору за оказание правовых услуг, как и по всякому возмездному договору, производится за исполнение своих обязанностей.

По одному из дисциплинарных дел адвокат включил в соглашение пункт «вернуть заявителю вознаграждение, если не будет достигнут положительный для доверителя результат исполнения адвокатом принятых обязательств». Вознаграждение адвокат получил до исполнения поручения. Комиссия пришла к выводу о том, что получение адвокатом вознаграждения до исполнения поручения доверителя, а не по его результатам в рассматриваемой ситуации было направлено на обход ограничения, установленного КС РФ, и оплата производилась не за исполнение адвокатом

своих обязанностей, а именно за получение положительного для доверителя результата, который гарантировался полным возвратом полученных денежных средств.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов адвокатской практики остается вопрос о возможности включения в соглашения об оказании юридической помощи условия о неустойке, выплачиваемой доверителем адвокату. Дабы не повторять уже изложенное различными авторами, напомним лишь, что в 2010 г. Президиум ВАС РФ указал, что право сторон на односторонний отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг императивно установлено ст. 782 ГК РФ, оно не может быть ограничено соглашением сторон. Поэтому предусмотренная соглашением сторон неустойка, ограничивающая право заказчика на расторжение договора в соответствии со ст. 168 ГК РФ, является ничтожной. Адвокатами указывалось на неоднозначность подходов высших арбитров к рассматриваемому вопросу. Однако до настоящего времени позиция суда остается неизменной.

Законодательство об адвокатской деятельности не содержит прямого запрета на включение условия о выплате доверителем неустойки в соглашение об оказании юридической помощи, равно как и не предусматривает возможность ее установления.

Вместе с тем, согласно ст. 1 Кодекса профессиональной этики адвоката, им устанавливаются обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях

● *Условием сохранения доверия к адвокату является «прозрачность» его действий для доверителя*

и традициях адвокатуры, на международных стандартах и правилах адвокатской профессии, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности. Вопрос о неустойке неоднократно возникал в деятельности присяжных поверенных. Во всех случаях Советы указывали на недопустимость такого условия. «Совет находит недопустимым введение в гонорарный договор неустойки. Идея неустойки противоречит самой сущности отношений, как они должны сложиться между поверенным и его доверителем. Доверие есть цемент, связывающий адвоката и его доверителя; неустойка же создается, наоборот, мыслью о недоверии, предположением, что договор исполнен не будет».

В настоящее время в ряде адвокатских палат субъектов РФ приняты правила, устанавливающие недопустимость включения неустойки в соглашение об оказании юридической помощи как подрывающие доверие к адвокатуре и не соответствующие адвокатской этике (см., например, Решение Совета АПКО от 19.03.2015 № 4, Решение Совета

АПЧО от 29.04.2010, Решение Совета АПУР от 16.06.2011, прот. № 6). На это же указывается в дисциплинарной практике (см., например, Обзор дисциплинарной практики Совета АП г. Москвы (по состоянию на 26.11.2010 г.)). Несмотря на наличие различных точек зрения, в интересах создания единообразной практики применения КПЭА аналогичного мнения придерживаются дисциплинарные органы АПМО.

Согласно п. 1 ст. 782 ГК РФ заказчик вправе отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов. Положения ст. 782 ГК РФ по своей правовой природе являются императивными и не позволяют сторонам договора каким-либо образом изменять эту норму, включать в договор условие, ограничивающее или исключающее ее действие. Таким образом, учитывая, что доверителю предоставлено право одностороннего отказа от исполнения соглашения об оказании юридической помощи, расторжение соглашения на основании односторон-

- *Слово «гарантия», которое произносит адвокат, изобличает в нем мошенника, потому как решение по делу принимает не адвокат*

него отказа доверителя от его исполнения является правомерным. Поэтому соглашение об оказании юридической помощи не может содержать запрета для доверителя на односторонний отказ от его исполнения. Следует также отметить, что законодательством не установлен срок для уведомления о расторжении договора возмездного оказания услуг в одностороннем порядке. Понесенные адвокатом расходы, о возмещении которых он может ставить вопрос перед доверителем, должны быть обусловлены его действиями по исполнению своих обязанностей по соглашению об оказании юридической помощи.

В ст. 974 Гражданского кодекса РФ указывается, что поверенный обязан исполнять лично данное ему поручение, за исключением случаев, указанных в ст. 976 того же кодекса (т. е., как предусмотрено данной нормой, только в случаях и на условиях, предусмотренных ст. 187 ГК РФ). Согласно п. 2 ст. 187 ГК РФ лицо, которому выдана доверенность, должно лично совершать те действия, на которые оно уполномочено. Оно может передоверить их совер-

шение другому лицу, если уполномочено на это доверенностью, а также если вынуждено к этому силою обстоятельств для охраны интересов выдавшего доверенность лица и доверенность не запрещает передоверие.

Исходя из систематического и логического толкования норм гражданского законодательства и законодательства об адвокатской деятельности, исполнение принятого адвокатом поручения, предусмотренного соглашением с доверителем, другим лицом (не адвокатом) не допускается.

Передоверие адвокатом поручения, предусмотренного соглашением об оказании юридической помощи, другому лицу (как правило, это стажер или помощник адвоката) дисциплинарные органы не могут считать в качестве честного, разумного, добросовестного и активного отстаивания прав и законных интересов доверителя. Вместе с тем частичное передоверие исполнения поручения другому адвокату возможно, но должно быть письменно согласовано с доверителем. Здесь второ-

● *Вопрос о взыскании денежных средств находится вне пределов компетенции Квалификационной комиссии и Совета палаты*

му адвокату необходимо учитывать, что он также становится поверенным и несет ответственность перед доверителем.

Так, по одному из дисциплинарных дел адвокат попросил своего коллегу ознакомиться с материалами дела, расследование по которому велось в другом городе. Письменного соглашения они не заключали, доверителя в известность не ставили. Впоследствии наличие ордера второго адвоката в материалах дела позволило суду, проходившему с участием первого адвоката, считать надуманным довод о неосведомленности об уголовном преследовании и, более того, послужило основанием для объявления доверителя в розыск и последующего его заключения под стражу. Соответственно, комиссия посчитала, что доводы жалобы на такие действия адвокатов обоснованными.

В последнее время значительно уменьшилось количество соглашений, содержащих условие о том, что «все споры по соглашению разрешаются Советом АПМО». Однако по одной жалобе доверителя на рассмотрение комиссии было пред-

ставлено соглашение, в котором адвокат определил, что споры по соглашению «рассматриваются заведующим филиалом, мнение которого является окончательным». Недопустимость таких условий очевидна. Предметом рассмотрения дисциплинарных органов адвокатской палаты может являться поступок адвоката, который порочит его честь и достоинство, умаляет авторитет адвокатуры, неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а также неисполнение решений органов адвокатской палаты. При этом, например, вопрос о взыскании денежных средств находится вне пределов компетенции Квалификационной комиссии и Совета палаты. В свою очередь, закон не наделяет руководителей адвокатских образований правом на привлечение адвокатов к дисциплинарной ответственности. •